

Неожиданно нам решили дать отдохнуть 14 февраля и выбраться в город. Я решил, что это — мой шанс. С благословения Пэрриша я позвонил Аннабель.

— Алло, Аннабель? Это Адам, — я посмотрел на Пэрриша, который выпучил глаза и замахал руками, намекая на то, чтобы я не молчал, — Ты не занята сейчас?

— Нет. Сейчас как раз закончились уроки. А что ты хотел? — её голос повеселел.

— Я хотел пригласить тебя в картинную галерею, там сейчас выставка картин импрессионистов.

— Да? Конечно, я с радостью! Когда встретимся?

— Давай через час? Успеешь? — Пэрриш сзади торжествовал.

— Да, успею! До встречи!

— До встречи.

Мы с Пэрришем завопили от радости одновременно, крепко обнялись и рванули в комнату.

— Итак, мой дорогой друг, по такому невероятно важному для нас обоих событию, я обязан кое-что презентовать тебе. На самом деле, мне подарил это отец, но... понимаешь сам, — Пэрриш достал из шкафа лакированный кейс и открыл его так, чтобы внутреннее содержимое видел только я.

— Галстук? Ты серьёзно? — я рассмеялся и от его пафосной речи, и от галстука внутри кейса.

— Что?! — Пэрриш молниеносно развернул кейс к себе, — Галстук?! Отец сказал, что там что-то невообразимо полезное и нужное!

— Да ладно, красивый галстук! — я по-прежнему смеялся.

Пэрришу было неловко. Через полчаса я был уже у выхода из академии.

— Чего завис? — Малкольм подталкивал меня на улицу.

— Я не знаю, Пэрриш. Я...

— Иди уже! И купи цветы! — он кричал мне вслед и наверняка улыбался.

По пути в галерею я зашёл в цветочный магазин и купил для Аннабель букет белых роз и валентинку. Волновался я жутко, как-никак, первое свидание. Я прождал буквально пару минут, и Аннабель пришла. Пунктуальным был не только я. Мы вошли в галерею, не здороваясь — было холодно.

Она была так же прекрасна, как и в нашу первую встречу. Даже красивее: тёмные волосы были красиво уложены, на ней было светло-розовое платье, как носили в 60-х, а белая шубка вновь блестела от снега. Она скромно улыбалась, а когда я вручил ей букет — даже покраснела. Мы оба были смущены.

Это было самый лучший день в моей жизни, Патрик. Нет ничего лучше, чем видеть, как человек смотрит на что-то прекрасное для него и искренне улыбается. Аннабель рассказывала мне всё, что знала о каждой картине, а мне было действительно интересно. Я не мог оторвать

от неё взгляд.

Мы хорошо провели время, и я предложил проводить её до дома.

— Уже темно. Ты успеешь дойти до академии? — она хлопала своими глазами.

— Дойду, не волнуйся, — я не мог спрятать улыбку.

Вернулся в академию я уставший, но счастливый.

— Ну как, казанова? — Пэрриш не уснул, ждал меня, чтобы расспросить.

— Мне кажется, что всё может получиться.

— А я что тебе говорил? Я вижу в тебе потенциал, мой дорогой друг. Ты же пригласишь меня на вашу свадьбу? — он ехидно улыбался.

— Конечно же, Пэрриш. А у меня есть выбор?

— Есть: либо ты приглашаешь меня, либо я приду сам, — он говорил об этом так серьёзно, что я поверил, что он сам пришёл бы на мою свадьбу, если бы я его не пригласил.

— Пэрриш, я не верю, что ты сегодня просидел весь день тут. Признавайся, где ты был, — я не собирался ложиться спать.

— Я был дома. Хотел навестить маму пока отец на работе.

— А он был дома, — по его лицу я всё понял.

Пэрриш кивнул.

— Он спросил у меня, пишу ли я до сих пор. Я решил дать ему отпор и сказал, что пишу и не собираюсь бросать. Сказал, что мне всё равно, что он думает, я люблю это дело, и решать мне.

— И... какой была его реакция? — я был обеспокоен.

Пэрриш опустил голову и закатал рукав рубашки на левой руке: на его предплечье красовался огромный синяк. Я подошёл к нему и взялся за его предплечье; Пэрриш стиснул зубы и закрыл глаза.

— О Господи! Это чем так?! — я был ужасно напуган.

— Книга в 1000 страниц. В металлической обложке.

— Она же сломана! Я отпрошусь у директора и отведу тебя в больницу! — я уже подошёл к двери.

— Стой, Адам. Я уже был у врача. Это не перелом, а ушиб. Мне нужно только перетянуть руку эластичным бинтом. Поможешь?

Я вернулся к другу и перетянул его предплечье и кисть. Я пытался сделать это максимально аккуратно, чтобы не причинить Пэрришу ещё большую боль. Как же мужественно он держался. Но ему было больно, очень больно. Даже не столько физически, сколько морально.

А знаешь, что самое ужасное, Патрик? Я совсем не знал, что мне делать, как помочь. Я боялся за него чуть ли не больше, чем он сам. Осуждать отца, оправдывать сына... понятия не имел.

— Пэрриш, — я посмотрел ему прямо в глаза, — Не пытайся делать вид, что ты об этом не думаешь. Я вижу, что тебе страшно. Мне страшно тоже: и за тебя, и из-за того, что я никак не могу помочь тебе. Точнее, я не знаю, чем тебе помочь.

— Не надо, Говард. Я справлюсь, обещаю. Не надо было из академии вылезать, только хуже сделал. Не буду его злить ещё больше. Главное, ты не ввязывайся, прошу тебя.

Мы просто молча смотрели друг на друга и молчали. Оба беспокоились друг за друга: я боялся по понятным причинам, а Пэрриш молился, чтобы я не полез в эту ситуацию.

Эта ночь прошла спокойно: мы оба спали как убитые. Хотя, мы и так были морально вымученными буквально за час. Было такое чувство, что из нас вытащили все эмоции.

<http://tl.rulate.ru/book/22354/464517>